

I

У ИСТОКОВ

Первый русский летописец, восстанавливая предшествующую ему историю Руси за годы, когда восточные славяне не имели еще своей письменности, сумел воссоздать прошлое Русской земли за несколько столетий. Он пишет о походах и о договорах, об основании городов, дает живые характеристики князьям и рассказывает о расселении племен. Следовательно, у летописца были какие-то неписанные материалы об исторической жизни народа в течение многих поколений. Вглядываясь в состав тех сведений, которые сообщает летописец, мы видим, что этим огромным историческим источником был для него фольклор. И это не случайно, «От глубокой древности, — писал М. Горький, — фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории».¹ Исторические песни, предания и легенды были той великой неписанной историей Русской земли, к которой вынуждены были постоянно обращаться и первые русские летописцы.

Трудно переоценить значение исторических произведений устной словесности. «Былины — это история, рассказанная самим народом», — пишет академик Б. Д. Греков, открывая обзором фольклорных источников свою книгу «Киевская Русь».² Русская эпическая поэзия и историческое предание — это один из видов народного исторического самосознания; поэтому в то время, когда еще не существовало исторических записей, общественно-политическая роль древнерусских певцов и сказителей была особенно велика.

I

Восстановить общую картину эпической поэзии дописьменного периода русской истории исключительно трудно. Исследователи пытались угадывать древнейшие черты русского эпоса и исторического предания на основе современных былин. Но

¹ Доклад на Съезде советских писателей 17 августа 1934 г.

² Изд. 3, Л., 1939, стр. 5.

задача эта не могла быть решена с полной достоверностью. Здесь всё гадательно, неустойчиво, шатко. Неизмеримо легче обнаружить остатки древнейших устных исторических произведений в первых произведениях русской письменности XI и XII вв. В летописях, житиях и проповедях сохранены многочисленные остатки исторических преданий, легенд и песен, которыми древнерусские книжники стремились восполнить недостаток письменного материала по истории своей родины.

Исторические сказания, отложившиеся в Начальной Киевской летописи, восходят ко временам глубокой древности. Уже основание первых городов на восточноевропейской равнине было связано с легендами. Их знает и древний Киев — один из старейших городов Восточной Европы. Легенд об основании Киева было несколько. Летописец имел возможность выбирать из них ту, которая казалась ему наиболее достоверной. Он отверг легенду о том, что Киев был назван по имени обосновавшегося здесь некогда перевозчика. Эта легенда, казалось ему, роняла достоинство основателя города: если бы Кий действительно был перевозчик, рассуждает летописец, то не ходил бы он к Царьграду и не воздавал бы ему чести царь. Следовательно, было предание и о том, что Кий ходил к Константинополю и здесь его с почетом принимал император. Летописец отдал предпочтение другой легенде об основании Киева. Он рассказывает в летописи о построении Киева тремя братьями-князьями: Кием, Щеком и Хоривом и сестрою их Лыбедью. Интереснейший материал, опубликованный академиком Н. Я. Марром, показывает, что легенда эта была записана уже в VII в. н. э. армянским историком Зеноном Глаком как легенда об основании Куара (Киева) в стране Полуни (поляни) Куаром, Ментеом и Хереаном. Рассказать эту легенду в Армении могли те славянские дружины, которые в VII в. совместно с хозарами воевали в Закавказье. Могли эти легенды перейти и через славянские поселения, которые с незапамятных времен держались на Северном Кавказе в районе Тамани. Следовательно, уже в VII в. в районе поселения славянских племен имелись исторические предания, бережно сохраненные на протяжении почти полутысячелетия и записанные летописцем в XI в.

Есть и другие показатели, говорящие о том, что равнина, населенная русскими племенами, сохраняла исторические предания глубокой старины. Отдельные скифские предания и обычаи отразились в позднейшем русском эпосе, свидетельствуя о прочности исторической традиции в степях Причерноморья. Так, например, известная летописная легенда о щите, который русский князь Олег прибил на воротах Царьграда, «показуя победу», восходит еще к обычаю скифов прибивать в знак победы свой щит на воротах, посвященных богу Халду.

Исторические легенды восходят ко временам чрезвычайной давности. Мерцающий свет этих древнейших исторических припоминаний, дошедший через тьму столетий до первого русского летописца, свидетельствует о существовании в древнейшие времена на территории, занятой восточнославянскими племенами, интереса к родной истории.

2

Столетия, непосредственно примыкающие к деятельности первых русских летописцев, дали им несравненно больше исторического материала, заимствованного ими из области фольклора. Нетрудно различить и главные типы исторических произведений, использованных летописцами. Их несколько. Один из главнейших — местные легенды, связанные с урочищами, могильниками, селами и городами всей великой русской равнины.

Могильные насыпи издавна и у всех народов были связаны с историческими преданиями. Высокие холмы, насыпавшиеся над могилами вождей, сами по себе свидетельствовали о стремлении сохранить на многие поколения память об умерших. Естественно, что к ним прикреплялись различные сказания, жившие в окружающем населении, пока существовали и самые насыпи. Число этих холмов на территории Древней Руси было особенно велико. С многими из них были связаны предания, исключительно важные для определения исторических судеб восточного славянства. Недаром летописец неоднократно ссылается на эти могильные холмы как на достоверных и правдивых свидетелей точности его исторического повествования. Так, например, завоевание Киева Олегом было связано народной памятью с могилами Аскольда и Дира; гибель Игоря — с его могилой «у Искоростеня града в Деревях»; легенда о вещем Олеге — с его могилой: «есть же могила его и до сего дьне, словеть могыла Ольгова»; смерть Олега Святославича связывалась с его могилой «у града Вручего» (современный Овруч) и т. д. О всех этих могилах летописец замечает, что они существуют и «до сего дьне». В тризнах и поминальных празднествах, устраивавшихся у этих могил, очевидно вспоминались деяния прошлого, связанные с именами погребенных в них воинов.

Но не только с могилами была соединена народная память о делах минувшего. Города и урочища прочно хранили память о своем возникновении. Народная память в Новгороде и Ладоге связывала определенные места с Рюриком, в Изборске — с Трувором, в Белоозере — с Синеусом. Местные по своему приурочению, эти предания говорили об общерусских деятелях, о событиях общерусской истории. Сами по себе эти местные предания охватывали единой сетью всю Русскую землю, объединяя

и собирая ее историческое прошлое. С княгиней Ольгой были связаны местными воспоминаниями многочисленные урочища, села, погосты, перевесища (места, где ловились птицы) по Днепру и Десне, а на севере — по Мсте и Луге. В Пскове еще во времена летописца хранились сани Ольги. «И ловища ея суть по вьсей земли и знамения и места и погосты», — пишет летописец, отмечая общерусский характер исторических преданий об Ольге.

Насколько обильными и подробными были эти исторические воспоминания, показывает хотя бы та точная топография древнего Киева, которую дает первый летописец, описывая времена, отстоявшие от него на целое столетие: «бе бо тогда вода текущи въздыле горы Киевьския, и на Подолии на седяху людие, но на горе; град же бе Къев, идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор князь баше в граде, идежь есть ныне двор Воротиславль и Чюдинь, а перевесище бе вне града; и бе вне града двор другыи, идеже есть двор Деместиков за святою Богородицею, над горою, двор теремный, бе бо ту терем камян».

Таким образом, на всем пространстве Руси от Изборска, Ладоги и Белоозера и до северных берегов Черного моря хранилась историческая память об общерусских героях, о первых русских князьях, «трудом» своим великим собиравших Русскую землю. Даже вне пределов Руси, на далеком Дунае, указывали город (Киевец), основанный Кием, а в Болгарии, по свидетельству летописца, еще видны были в его время остатки городов, разрушенных Святославом. В этих местных исторических преданиях говорилось не только о Руси, но и о соседящих с ними народах и странах: венгры, печенегы, греки, скандинавы, хазары, поляки, болгары, а с другой стороны, Царьград, Тмутаракань, Корсунь составляют тот широкий географический фон, на котором разворачивалось действие легенд, связанных с урочищами. Местные по своему приурочению, но общерусские по своему содержанию, эти исторические предания говорят о широте исторического кругозора народа. С иронией рассказывает летописец об обрах (аварах), стремившихся (еще в VI в.) покорить себе славянское племя дулебов (впоследствии русское племя волынян). Дулебы остались, а обры исчезли, не сохранив по себе «ни племени, ни наследка». И есть поговорка от того времени, говорит летописец: «погибоша, аки обры».

Сама Русская земля с ее многочисленными городами, урочищами, селами, могильными насыпями была живым напоминанием силы и бессмертия населявшего ее народа, была как бы живую книгу ее неписанной истории.

3

Но многочисленные легенды VI—X вв., связанные с местными памятниками прошлого, не были единственным видом исторического припоминания в древний дописьменный период

истории Руси. Та же Начальная летопись, которая сохранила нам многочисленные местные легенды, свидетельствует и о других формах исторической памяти.

Внимательный анализ Киевского летописания показывает, что многие записи сделаны в нем на основании устных рассказов двух лиц: Вышаты и его сына Яна Вышатича, участие которого в летописании отмечено в летописи под 1103 г.; летописец говорит о Яне, отмечая его смерть и восхваляя его добродетели: «и аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи семь, от него же слышах». Три поколения летописцев были в дружественных отношениях с Вышатой и его сыном Яном на протяжении 1064—1103 гг. Можно установить, что круг рассказов Вышаты и Яна, использованных летописцем, был шире тех сведений, которые приписаны им в исследованиях академика А. А. Шахматова.¹ Повидимому, эти рассказы были связаны с преданием этого древнего рода, судьба которого может быть прослежена в летописи на протяжении семи поколений: Вышата был сыном новгородского посадника Остромира, с именем которого связан древнейший из дошедших до нас памятников русской письменности — знаменитое Остромирово Евангелие 1056—1057 гг.; Остромир был сыном новгородского посадника Константина;² Константин был сыном новгородского посадника Добрыни — будущего героя русских былин Добрыни Никитича; Добрыня был сыном Мистиши-Люта; Лют — сыном знаменитого в русских летописях воеводы Свенельда. Судьба всех этих предков Яна Вышатича отражена в летописи на основании устных рассказов Вышаты и самого Яна.

Эти рассказы, неточные хронологически, как все устные припоминания, несут в себе следы сказочных мотивов и окрашены тенденциозной мыслью; они героизируют этот род, подчеркивают его весомость в общем раскладе сил Киевского государства, его близость к роду киевских князей. И Вышата и Ян упорно говорят о тех мудрых советах, какие давали их предки киевским князьям. Нежелание Святослава послушать совета Свенельда — объехать днепровские пороги на конях — послужило причиной гибели Святослава: печенеги, сторожившие русских в этом опасном месте, напали на Святослава, разбили его дружину и убили его самого. Владимир I Святославич неоднократно следовал советам Добрыни в своих походах. Добрыня добивается для Владимира руки полоцкой княжны Рогнеды. Слушая советов сына Добрыни — Константина, Ярослав получил киевский стол. Когда Ярослав, разбитый Святополком и поль-

¹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 226 и др.

² См. об этом: Д. И. Прозоровский, Новые разыскания о новгородских посадниках. СПб., 1892, стр. 3.

ским королем Болеславом, прибежал в Новгород и собирался отсюда бежать дальше — за море, посадник Константин Добрынич с новгородцами рассек ладьи Ярослава, заявив: «хочем и еще биться с Болеславом и Святополком». Новгородцы во главе с Константином собрали средства на дружину, и Ярослав разбил Святополка и Болеслава.

Рассказы Вышаты и Яна выражали не только узко родовые тенденции, они пропагандировали идеи крепкой защиты Русской земли, далеких походов. Они идеализировали старых русских князей, прославленных своими походами на хозар, на греков и на болгар. О походах за данью повествуется в известиях о Свенельде и Мистише-Люте. О сборах дани с болгар рассказывается в летописных статьях о Добрыне. В собственной деятельности Вышата и Ян Вышатич отмечают именно эти далекие походы, участниками которых они были: на Емь (финнов), на Константинополь, за сбором полюдья в Белозерье. Эти рассказы Вышаты и Яна относились как раз к тому времени, когда усилился нажим степных народов на Русскую землю, когда русские князья должны были обуздывать кочевников глубокими степными походами.

Нетрудно видеть, что родовые предания Яна и Вышаты перерастают ограниченность родовой тенденции. Они патриотичны, они воодушевлены образами героической старины, наполнены боевой славой русских походов на Царьград, идеализируют русских князей-воинов — Игоря, Святослава, Владимира, Ярослава. Именно эти стороны родового предания Вышаты и Яна послужили причиной того, что их предания из родовых стали общенародными и вошли затем в состав русского былевого эпоса в целом.

Исследователями давно отмечена связь современных былиных сюжетов о Добрыне и летописных известий о нем же. Отметим некоторые стороны этой связи, на которые до сих пор не обращалось достаточного внимания. Добрыня и в летописных рассказах Вышаты и в современных былинах собирает дань с соседних народов, ходит в далекие походы. Как в тмутарканском предании о хозарах, Добрыня заставляет платить дань даже те народы, которые раньше сами собирали дань на Руси.¹ Записанные летописцем со слов Вышаты и Яна рассказы о походах Святослава со Свенельдом, Владимира с Добрыней, Ярослава при содействии Константина, Владимира Ярославича с Вышатой служили этой же цели пропаганды активной политики по отношению к врагам Руси. Вот почему в русский былевой эпос проникли из родовых преданий Вышаты и Яна не только воспоминания о Добрыне Никитиче. В разное время в нем отразились следы каких-то припоминаний об отце Добры-

¹ Лаврентьевская летопись под 985 г.

ни — Мистише (Никита Залешанин русских былин),¹ о его сестре Мальфреды Мистинишне (Марфида Всеславьевна),² о брате Яна Вышатича — Путяте (ср. в былинах племянницу князя Владимира — Забаву Путятишну), о самом Яне Вышатиче и др. С Путятой Вышатичем связан и другой герой русского эпоса — Казарин, сотоварищ Путяты по походам на половцев.³ Ближайшее отношение к указанным былинным сюжетам имеют также и былина о Глебе Володьевиче⁴ и былина «Поход на Корсунь».⁵ Сюжет этих последних былин отражает поход Владимира Володьевича и Глеба Святославьевича на Корсунь в 1077 г.⁶ Глеб был впоследствии тмутараканским князем, дважды сидевшим в Тмутаракани, когда там находился Вышата. Впоследствии сам Глеб рассказывал Яну Вышатичу о подавлении восстания волхвов в Новгороде с деталями, близкими к былине о Глебе Володьевиче.⁷

Наличие в X—XI вв. развитого родового предания настолько сильного, что оно проникло в летопись и сохранилось в современном былевом эпосе, — факт большого историко-культурного значения. Перед нами своеобразная устная летопись семи поколений. Будучи родовыми, эти предания оставались и общенародными, проникнутыми высоким сознанием общих интересов всего русского народа в целом. Ряд признаков заставляет предполагать, что это родовое предание не было единственным.

4

Третьим видом устной исторической памяти в дописьменный период русской истории была дружинная поэзия.

Образцом такой дружинной поэзии сравнительно позднего времени (конца XII в.) является дошедшее до нас «Слово о полку Игореве». Более ранних произведений этой поэзии не сохранилось, но само «Слово о полку Игореве» упоминает дружинного певца XI в. — Бояна, чьи песни слагались во славу князей: «Боян же, братие, не десять соколовь на стадо лебедей пуцаше, но своя вещь персты на живая струны воскладаше, они же сами князем славу рокотаху». Прозвание другого дружинного певца Митуса (XIII в.) «словутный», который «за

¹ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 377.

² Там же, стр. 378.

³ Всев. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II. 1910, стр. 1—31.

⁴ Марков. Беломорские былины. М., 1901, №№ 50 и 80.

⁵ Астахова. Былины Севера, т. I. М.—Л., 1938, № 15.

⁶ А. В. Марков. Из истории русского былевого эпоса, вып. 1. 1905, стр. 30—66.

⁷ Повесть временных лет под 1061 г. Мотив загадывания загадки с последующим убийством неудачного отгадчика и др.

гордость» не восхотел служить князю Даниилу, также говорит о том, что главной темой его песен была слава князьям. Нельзя не сопоставить этих показаний со словами Илариона (первая половина XI в.), который, вспоминая старых русских князей — Игоря, славного Святослава, писал о них, что они «мужеством же и храбрством прослуша [прославились] ¹ в странах многих и поминаются ныне и словут» — очевидно в песнях и преданиях.

Дружинная среда, окружавшая русских князей, прочнее всего сохраняла память о военных подвигах прошлого. Она была хранительницей и народных традиций. Именно поэтому Святослав не решается нарушить заветы старины и принять крещение. Святослав говорит своей матери Ольге, предлагавшей ему креститься: «дружина смеяться начнут». Это стремление дружины держаться народных традиций сказалось и в самом характере дружинной поэзии, проникнутой элементами народной лирики («Слово о полку Игореве»).

Начальная летопись сохранила нам от дописьменного периода Руси содержание нескольких героических песен именно этой дружинной поэзии. Их главной темой были смелые завоевательные набеги русских дружин на главный и богатейший культурный центр тогдашней Европы — Константинополь. Необычайно дерзкие походы русских создали особенно благоприятные условия для расцвета героической песни — былины.

Отголоски этой дружинной поэзии звучат в летописных рассказах о походах на Царьград Аскольда и Дира, Олега, Игоря, Святослава. Они присутствуют в рассказе о том, как Олег повел своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. С попутным ветром корабли развернули паруса и с поля подошли к Царьграду. Испуганные греки предложили мир и дань. Дружинные песни рассказывали о том, как вещий Олег отказался принять под стенами Царьграда предложенные ему в знак мира яства и вина, которыми греки собирались его отравить. Остатки дружинных песен об Олеге можно видеть в рассказе летописи о щите, который Олег прибил над воротами Царьграда, «показуя победу». Наконец, само предание о смерти Олега от любимого коня через песни перешло в летопись и распространилось по всей северной Европе, в местных преданиях Ладоги и в скандинавских сагах.

Отголосками дружинных песен явились и рассказы летописи о знаменитых пирах Владимира I. Воспоминания об этих пирах, для которых варилось по 300 провар меду, ² на которых было

¹ Здесь и далее, слова в цитатах, взятые в прямых скобках, принадлежат автору настоящей работы Д. С. Лихачеву.

² Провар — то количество меда, которое можно сварить за один раз, — очевидно несколько ведер.

«множество мяс, от скота и от зверины», сохранились в современных былинах. Сознание дружиной своей силы и значения отчетливо выражено в летописном описании одного из пиров, составленном летописцем также, очевидно, на основании дружинной песни. Дружина ропщет на князя за то, что ей приходится есть деревянными ложками, а не серебряными. Более всего на свете любя свою дружину, Владимир приказал сковать серебряные ложки. «Серебром и золотом не налезу себе дружины, — говорит Владимир, — а дружиною налезу серебро и золото, как дед мой и отец доискались дружиною золота и серебра».

Особенно рельефна в летописи созданная на основе дружинных песен характеристика бесстрашного князя Святослава, всю жизнь проведенного в далеких походах. Святослав разрушил столицу Болгарского царства на Волге, разрушил столицу хозар и уничтожил Хозарское царство. Он покорил черкесов и осетин и доходил до берегов Каспийского моря. Он завоевал Болгарию — сильнейшее государство того времени на Балканском полуострове и дважды побеждал Византию. Его походы потрясли мусульманский мир и заставляли дрожать Византию. «Бе бо и сам хоробр, — пишет о нем летописец, — и легок, ходя акы пардус, воины многы творяше. Воз по себе не возяше, ни котла, ни мяс варя, но по тонку изрезав конину или зверину или говядину, на угълех испек ядыше; ни шатра имяше, но подъяклад постилаше, а седлю в головах. Тако же и прочии вои его вси бяху. И посылаше к странам, глаголя „хочю на выйти“». ¹ Когда побежденные им греки, желая испытать его, прислали ему многочисленные дары — золото и знаменитые византийские наволоки, ² Святослав не взглянул на них, приказав отрокам спрятать принесенное. Когда же греки принесли Святославу меч и иное оружие, Святослав принял их в свои руки, ласкал, хвалил и просил приветствовать византийского царя, пославшего ему их. Греческие послы ужаснулись воинственности Святослава и, вернувшись к своим, сказали: «лют сей мужь хоцеть быти, яко имения небрежет, а оружие емлет; имися по дань». И послал царь своих послов к Святославу, говоря: «не ходи к городу, но възми дань, и еже хоцещи». ³

Сходную легенду, подчеркивающую воинственность русских, передает летописец и о полянах. Когда хозары обложили полян данью, поляне выплатили ее оружием: по мечу от дыма. Хозары отнесли эту дань своему князю, и старцы хозарские ужаснулись воинственности русских: не добра дань, княже, — мы

¹ Ипатьевская летопись под 964 г.

² Шелковые ткани.

³ Ипатьевская летопись под 970 г.

доискались ее оружием острым только с одной стороны, т. е. саблями, а эти имеют обоюдоострое оружие, т. е. мечи. Со временем они возложат дань и на нас и на иные страны. Слова их сбылись, — прибавляет от себя летописец, — владеют русские князья хозарами и до нынешнего дня.

Замечательна одна из речей Святослава, включенная составителем Начального свода 1095 г., очевидно, на основании дружинных преданий. Когда дружины Святослава дрогнули перед сотысячным войском греков, Святослав произносит свою знаменитую речь, до сих пор поражающую необычайно острым чувством воинской чести и сознанием ответственности перед всем русским народом в целом: «Да не посралим Земли Руские, но ляземы костью ту, и мертвы бо сорома не имаеть, аще ли побегнем, то срам нам. И не имам убегнути, но станем крепко. Аз же пред вами пойду. Аще моя глава ляжетъ, тоже промыслите о себе». Верная своему князю и родине дружина отвечает: «Иде же глава твоя ляжетъ, ту и главы наша сложим». ¹ Русские одержали победу, и только предательство губит затем Святослава.

Таким образом, уже дружинная поэзия дописьменной Руси неразрывно связана с идеей воинской чести. Это была поэзия высокого патриотического сознания. Именно это делает эпическую поэзию дружинников поэзией народной одновременно.

В последующий период, в эпоху после крещения Руси, русский исторический эпос (легенды, предания, исторические песни, в том числе и дружинные) продолжал развиваться. Современные былины сохранили в своем составе остатки многих реальных исторических фактов и имен домонгольского периода, свидетельствующие о широком развитии народного эпоса в XI—XIII вв. Князь Владимир, Добрыня, новгородский купец Садко, новгородский сотский Ставр, Иван Данилович — все это реальные исторические имена, своевременно отмеченные русскою летописью. До сих пор былины, которые поются на севере, среди лесов, болот, быстрых порожистых рек и озер, помнят привольную южнорусскую природу: широкое чисто поле, дубы, степную ковыль-траву и полынь, о запахе которой, способном возбудить тоску по родине у того, кто родился в степях, поэтически рассказывает Ипатьевская летопись. ²

Все это свидетельствует о силе древней киевской былевой поэзии, выработавшей такие поэтические произведения, жизненная стойкость которых превозмогла почти тысячелетний период огромной и трудной истории русского народа.

¹ Там же под 971 г.

² Там же под 1201 г.

Но о силе патриотического сознания свидетельствуют в до-
письменный период русской истории не только произведения
фольклора. Об этом говорят и договоры с греками, которые за-
ключались князьями не только от своего имени, но и от имени
всего русского народа («языка») в целом: «от Игоря и от всех
боляр, и от всех людей страны Руськия». ¹ Заключая договор,
русские князья требовали точного соблюдения его условий от
греков на все последующие годы и сами обещали хранить его,
«доньдеже солныце сияеть, и весь мир стоит в нынешняя века
и в будущая». ²

¹ Лаврентьевская летопись под 945 г.

² Там же.